

К.Г. Игошин (Москва)

**СОГЛАСНО С ВЫСОЧАЙШЕЙ ВОЛЕЮ
(О СУДЬБЕ КОЛЛЕКЦИИ ПЕРСИДСКИХ
ОРУДИЙ, ПОДАРЕННЫХ РОССИИ
В 1827 ГОДУ)**

Посетители Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника в основной экспозиции могут увидеть довольно интересные и необычные экспонаты – лафет и передок неизвестной артиллерийской системы (рис. 1). С недавнего времени орудие на таком же лафете является частью новой экспозиции, расположенной в здании бывшей гостиницы Спасо-Бородинского монастыря (рис. 2). Любители отечественной военной истории, наверное, вспомнят, что такое же орудие некогда украшало и один из залов Музея-панорамы «Бородинская битва» (рис. 3).

Но ни на Бородинском поле, ни в музее-панораме долгое время нельзя было получить ответ на вопрос: что же это за орудия? Согласно музейной документации, это некие «пушки русские легкие кавалерийские типа единорог (тавризские)»¹, или «горная пушка, отлитая в Тавризе персидскими мастерами по русским

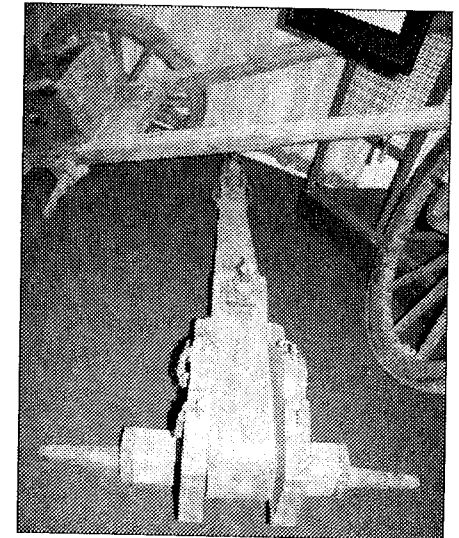

Рис. 1 (Фото автора. 2006)

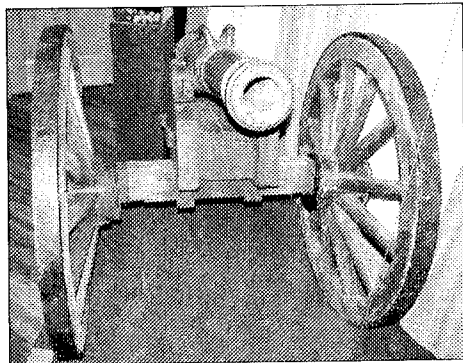

Рис. 2 (Фото автора. 2009)

чертежам в 1827 г.»². Других сведений в распоряжении специалистов не было, хотя ключ к загадке находится на самих орудиях, точнее на их стволах. Это гравированные подписи на русском и на фарси о том, что орудия были изготовлены в декабре 1827 г. в Тавризе, во время пребывания там российских войск³.

Стволы этих орудий на первый взгляд сходны с российским полевым 3-фунтовым единорогом «системы 1805 года»⁴ (рис. 4). В то же время в конструкции присутствует целый ряд существенных отличий, которые позволяют считать их самостоятельным образцом оружия, созданным на основе российского 3-фунтового единорога⁵.

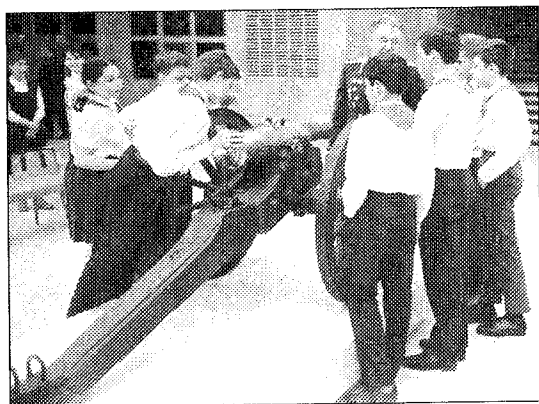

Рис. 3 (Фото 70-х гг. XX в.)

мостоятельным образцом оружия, созданным на основе российского 3-фунтового единорога⁵.

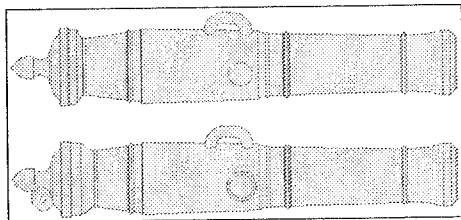

Рис. 4. Российский 3-фунтовый единорог системы 1805 г., вид сбоку (вверху). Персидский 3-фунтовый единорог, вид сбоку (внизу)
(Схема любезно предоставлена Александром Берназом)

1. Диаметр поверхности ствола меньше принятого в России на 1,5–2 части, что при сохранении калибра делает орудие более тонкостенным и на целый пуд снижает его вес – 90 кг вместо 108–109 кг. Орудие с такими параметрами не прошло бы приемные испытания⁶.

2. Торель заканчивается винградом без украшений, под которым прилиты две параллельные петли (ушки) для скрепления с винтовым подъемным механизмом лафета. Такое устройство подъемного механизма в первой половине XIX в. характерно в первую очередь для английской артиллерии, а не для русской.

3. Цанфы (вертлюги) имеют небольшие скругленные заплечики, увеличивающие ширину орудия в вертлюжной части в сумме на 1,3 см или почти на 8 частей. Данная деталь также не характерна для российских орудий. Более того, из-за паличия заплечиков изучаемое орудие затруднительно расположить на стандартном отечественном лафете для 3-фунтового единорога.

4. Затравочный и торельный пояса значительно шире принятых в русской артиллерии, при этом между ними отсутствует декоративный поясок. Данное отличие несущественно для произведения выстрела, но в совокупности с прочими отличиями еще раз подчеркивает разницу между изучаемым стволом и стволом российского 3-фунтового единорога.

5. Прицельные механизмы или следы их крепления отсутствуют. На поверхности ствола на дульном и торельном поясах в верхних точках есть малозаметные продольные пазы.

Лафеты и передки, напротив, не имеют ничего общего с отечественными, использовавшимися в первой трети XIX в.⁷, кроме темно-зеленого окраса деревянных частей и черного цвета вороненых оковок.

Лафет деревянный, однобрусный (мопоблочный) (рис. 5). Стоит из стрелы (длинного деревянного бруса, составляющего хобот лафета), двух коротких деревянных станин (щек), прикрепленных по бокам к стреле,

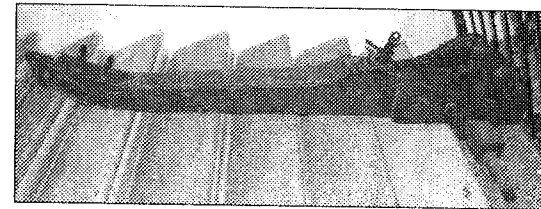

Рис. 5. Лафет. Музей-панорама (Фото автора. 2006)

осевой подушки, железной оси и двух колес. Общая длина лафета около ⁸ двух метров (196 см).

На стреле за щеками находится винтовой подъемный механизм. Он закреплен на утолщении стрелы при помощи железных кованых гвоздей с квадратными шляпками. Подъемный механизм состоит из станины, четырехручного медного (бронзового) ворота и штыря, который заканчивается петлей, входящей в соответствующие петли (ушки) под винградом ствола.

Железные цапфенные накладки закрепляются на лафете двумя железными клиньями каждая, прикрепленными к щекам цепочками. Щеки прикреплены к стреле тремя железными винтами с квадратными шляпками.

Осевая подушка деревянная, по краям обита железными полосами (оковками). Крепится к лафету при помощи толстых стальных полос (скоб). Длина оси приблизительно 105 см.

Хоботовая часть лафета заканчивается подвижным кольцом для надевания хобота лафета на крюк передка. По бокам хобота два железных поручня, облегчающие надевание его на передок. На верхней части оковки хобота закреплены две металлические скобы для использования правила.

Колеса деревянные (диаметром примерно 95 см) с железными сварными шинами, прикрепленными к колесу шестью металлическими гвоздями. Обод колеса из шести одинаковых деревянных сегментов. Спиды деревянные в количестве двенадцати штук (рис. 6).

Деревянные ступицы снаружи стянуты металлическими обручами. Присутствует боковое смещение осевой втулки по отношению к ободу за счет наклона спиц.

Не менее оригинальными являются

и входящие в комплект деревянные, одноосные *передки* (рис. 7). Они состоят из деревянной рамы с оглоблями, осевой подушки, железной оси и деревянного ящика. Общая длина передка от крюка до конца оглобель приблизительно около двух с половиной метров.

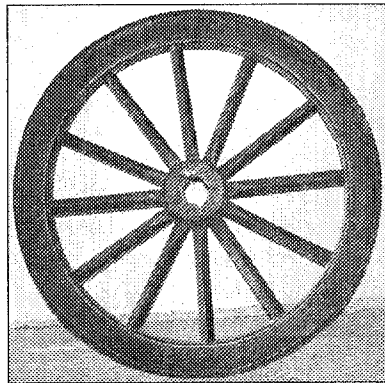

Рис. 6. Колесо. Музей-панорама (Фото автора. 2006)

Рама составлена из двух деревянных оглобель, двух соединяющих их разноразмерных перекладин и деревянной платформы. Платформа закреплена между расходящимися оглоблями, соединенными двумя деревянными перекладинами и металлической стяжкой, проходящей сквозь оглобли. Расстояние между оглоблями (длина передней перекладки) примерно 58 см.

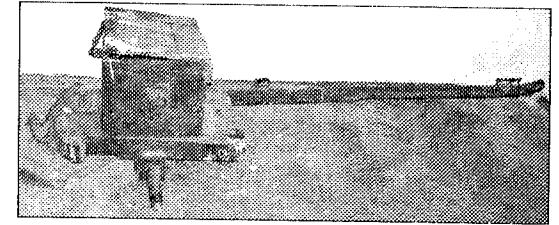

Рис. 7. Передок. Музей-панорама (Фото автора. 2007)

Задняя перекадина играет роль горбыля. Она заметно шире платформы и имеет закругленную форму; к платформе притянута двумя металлическими скобами. К ней прикреплен крюк, заменяющий шворец, и на цепочке металлическая чека, для фиксации хобота лафета на крюке. Ширина передка (платформы и оглобель) в месте соединения с «горбылем» примерно 42,5 см.

Оглобли длиной 245 см (от горбыля) квадратного сечения, у основания (примерно 7,5 x 8 см), на расстоянии примерно метр от подушки, постепенно переходят к круглому сечению. Несколько сужаются к концу и имеют заметный изгиб.

Ось, осевая подушка и колеса по своей конструкции и размерам соответствуют таковым же деталям лафета.

Ящик деревянный, состоит из дна, четырех стенок и крышки, закрепленной при помощи накладных металлических петель. Ящик со всех сторон окован. К платформе крепится при помощи двух металлических скоб намертво, но при этом по бокам присутствуют металлические, шарнирно закрепленные ручки. Крышка закрывается на металлическую скобу, фиксируемую на корпусе ящика при помощи петли и крючка. На крышке сохранились лоскуты проклеенной ткани. Вероятно, крышка была покрыта мягкой подушкой, для сидения возницы. Высота, ширина, длина соответственно примерно 33 x 40 x 45 см.

Основным признаком, указывающим на иностранное происхождение лафета и передка, является оригинальное инженерное решение основных узлов.

1. Однобрусный лафет (рис. 8).

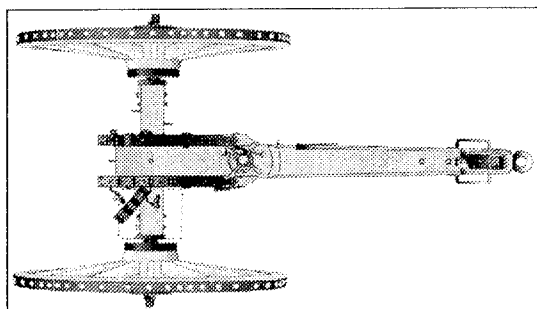

Рис. 8. Лафет легкой 3-фунтовой британской пушки (около 1810), вид сверху (Фрагмент схемы из книги *British Napoleonic Field Artillery*)

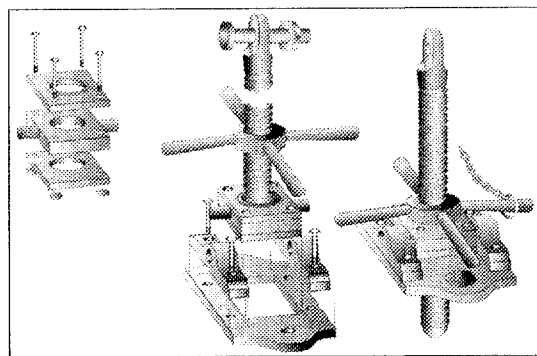

Рис. 9. Британский винтовой подъемный механизм (Фрагмент схемы из книги *British Napoleonic Field Artillery*)

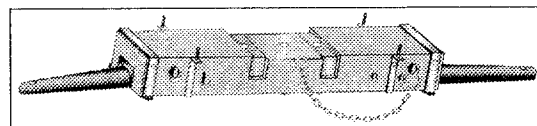

Рис. 10. Металлическая ось в деревянном кожухе британской конструкции (Фрагмент схемы из книги *British Napoleonic Field Artillery*)

2. Винтовой, фиксирующийся на стволе под винградом, подъемный механизм (рис. 9).

3. Железные оси (рис. 10).

4. Крюковое, с использованием вынесенного кольца на хоботе, соединение хобота лафета с передком (рис. 11).

5. Устройство и отделка передкового ящика (рис. 12).

В интересующую нас эпоху все эти признаки одновременно встречаются почти исключительно в английских лафетах⁹. Но как и в случае со стволом, при общем сходстве с британскими образцами лафеты и передки рассматриваемых орудий имеют оригинальные отличия.

В десятилетия XIX в. в Персии действовали эмиссары британского правительства и Ост-Индской компании, такие как Харфорд/Джонс, Гор Лузли, Джон Малькольм и др.

Им удалось нивелировать в регионе французское влияние. В период с 1808 по 1826 гг. британцы неоднократно поставляли в Иран оружие, включая артиллерийские орудия, импортировали специалистов военного и инженерного дела, артиллеристов. Современные исследователи связывают преобразования в персидской артиллерии с именем офицера мадрасской армии Генри Линдсея¹⁰.

На персидских живописных полотнах «Сражение персов с Русскими» (рис. 13), «Смотр персидских войск Фатх-Али-Шахом» (рис. 14) и «Смотр войск Аббас-Мирзой» (рис. 15) из собрания Государственного Эрмитажа, написанных предположительно в 1815-1816 гг.¹¹, можно увидеть персидскую регулярную артиллерию. Художник схематично передает очертания орудий, однако можно четко различить однобрусный лафет, винтовой подъемный механизм и крюковое соединение с передком. Изображенные орудия более походят на стандартный вариант, принятый в британской королевской конной артиллерии, что также подтверждается тем, что перевозятся они шестеркой лошадей. Представляется, что изображены как раз орудия, привезенные Малькольмом в 1810 г., но уже с персидскими артиллерийскими расчетами.

Российские войска оказались в Тавризе зимой 1827 г. в результате победоносного наступления в ходе Русско-иранской войны

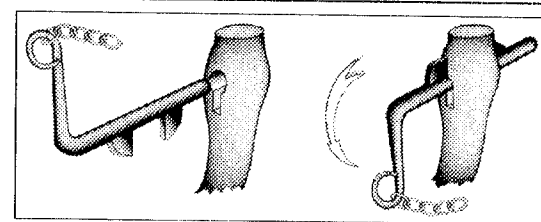

Рис. 11. Крюк зарядного ящика британской конструкции (Фрагмент схемы из книги *British Napoleonic Field Artillery*)

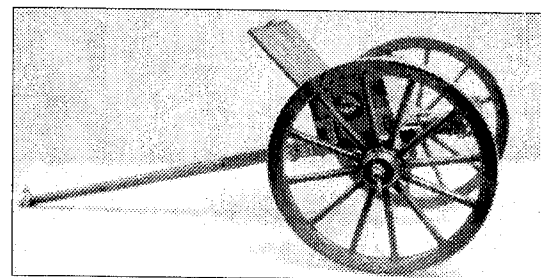

Рис. 12. Модель зарядного ящика, использовавшегося британскими колониальными войсками в Индии (Иллюстрация из книги *British Napoleonic Artillery 1793 - 1815*)

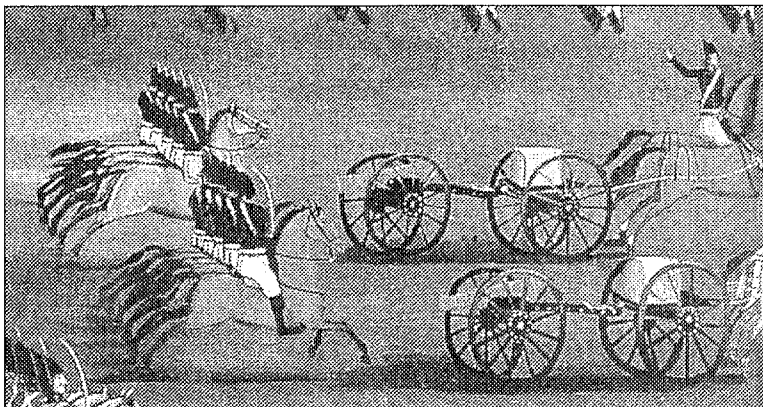
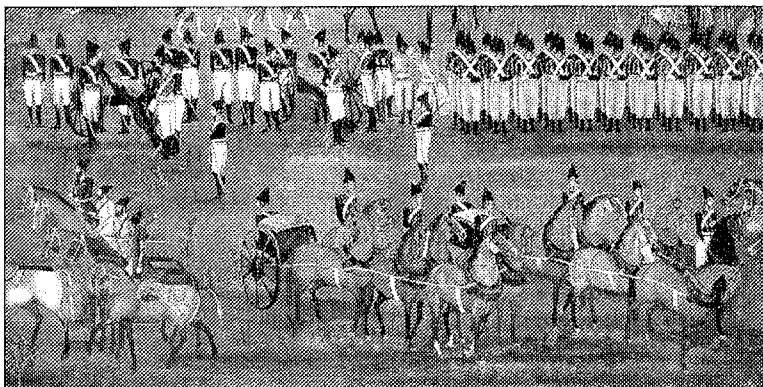
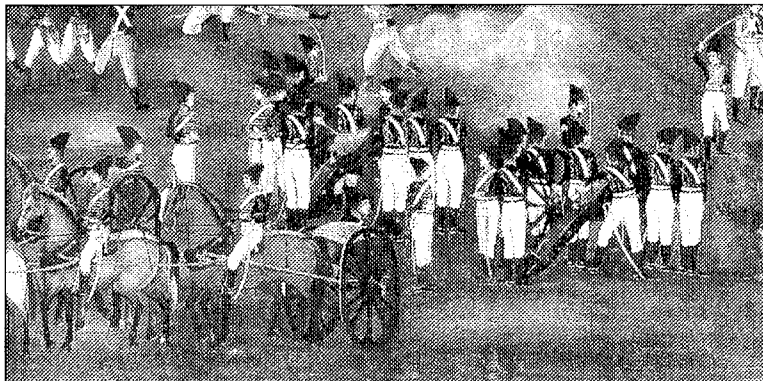

Рис. 13, 14, 15

1826–1828 гг. Именно здесь находились те самые «литейный хороший завод и оружейная фабрика», о которых писал в 1817 г. А. П. Ермолов¹². Кроме британских специалистов здесь находились и персидские мастера, прошедшие обучение в Англии.

Некоторые сведения об изготовлении описываемых орудий оставил П. П. Муравьев-Карсский: «Литейный двор находится в цитадели. Литье орудий производилось с успехом, удовлетворяющим большим нуждам немногочисленной Персидской полевой артиллерии. Он управлялся Персиянином, учившимся в Англии лить пушки. Человек сей, одетый в Персидском платье, носил бороду, говорил свободно по-английски, имел образование Европейское и был женат на Англичанке. Я забыл его имя. Он кроме того управлял и всеми заведениями такого рода и имел списки арсенала, находившегося также в цитаделе. Арсенал сей был не велик, но содержался в порядке... Пороховой завод был за городом и также не обширен, но весьма хорошо устроен. Все эти заведения были нами истреблены; на пушечном же заводе было вылито нами два орудия со стеснелем *Тавриза*, которые, кажется, хранятся теперь в Москве»¹³.

Несколько более подробно свидетельствует английский доктор Уиллич, состоявший при английской военной миссии в Тавризе. В своем дневнике в записи от 22 октября (3 ноября)¹⁴ он сообщает, что главному оружейнику принца Аббас-Мирзы, Ага-Мохаммед-Али, было приказано «вылить четыре пушки в память взятия Аббас-абада, Сердар-абада, Эривани и Тавриза. На каждой из этих пушек будет выгравировано название одной из означенных местностей»¹⁵.

Приказ об отливке орудий был отдан первосвященником (муштендом) Тавриза Ага-Мир-Феттахом (Мир Фетте, Мир-Фетех). Он организовал систему самоуправления и проводил политику сотрудничества с русским гарнизоном. По свидетельству Муравьева «человек сей в большой чести у Паскевича»¹⁶. В ряду актов проявления лояльности по отношению к России, предпринятых Мир-Феттахом, была и отливка нескольких орудий в память побед русского оружия.

В ноябре – декабре 1827 г. было отлито семь орудийных стволов¹⁷, правда, в гравированных на них надписях никакие захваченные города, кроме Тавриза, не упоминаются.

В Россию эти орудия доставлялись вместе с прочими трофеями победоносно оконченной войны и выплаченным персидским правительством золотом специальным обозом, конвой которого

составлял лейб-гвардии Сводный полк под командованием полковника лейб-гвардии Преображенского полка И.П. Шипова 2-го. Согласно описи помимо прочего в обозе находились шесть медных 3-фунтовых единорогов; одна медная короткая пушка, лафет и передок от 6-фунтовой пушки, спереди о двух оглоблях, окрашенный «дикаго цвета» краскою, с хомутом, шорами и прочей упряжью¹⁸.

В июле 1828 г. лейб-гвардии Сводный полк, согласно высочайшему приказу, выступил из Тифлиса в Петербург. Ответственным за доставку ценностей был назначен «казначей приобретенной от персидского правительства казны» подполковник Пашебургского пехотного полка Н.Я. Коломийцев 1-й. От лейб-гвардии Сводного полка ответственным офицером был назначен подпоручик лейб-гвардии Московского полка А.Ф. Багговут.

На территории России Н.Я. Коломийцев с золотом отделился от медленно двигавшегося по причине изнурения конвоя. Ответственность за доставку трофеев полностью легла на плечи И.П. Шипова. К началу ноября лейб-гвардии Сводный полк благополучно добрался до Москвы.

Пока обоз с трофеями двигался к Москве, император Николай Павлович в память того, что первые известия о вторжении персиян и первые донесения о их поражении получены были в Москве, в дни коронации, решил оставить часть трофеев в дар первопрестольному городу. 1 (13) октября в рескрипте на имя московского военного генерал-губернатора генерала от кавалерии князя Д.В. Голицына государь император повелел поставить «семь орудий, вылитых в Тавризе во время пребывания в оном российских войск», на Царской площади Московского Кремля. 1 (13) ноября князь Голицын известил об этом решении полковника Шипова¹⁹. 3 (15) ноября московский комендант генерал-лейтенант Н.Н. Веревкин получил следующее распоряжение: «Я поручаю Вам сделать надлежащие распоряжения к поставлению сих орудий согласно с Высочайшею волею на Царской площади»²⁰.

Накануне торжественного вступления в Москву, пока полк готовился к церемонии, трофеи были отправлены в город. Для участия в торжественной церемонии шесть персидских единорогов были установлены на лафеты, предоставленные находящейся в Москве 13-й артиллерийской бригадой²¹, а пушка была установлена «на Персидском лафете запряженном гамошнею сбуею».

После того, как устроенные по воле императора торжества отгремели²² и лейб-гвардии Сводный полк с прочими трофеями отправился в Санкт-Петербург; перед московским руководством встал вопрос о том, как же выполнить волю государя и установить орудия на всеобщее обозрение.

8 (20) ноября генерал Веревкин рапортует князю Голицыну: «Во исполнение предписания Вашего Сиятельства от 3 ноября за № 434.-м доставленные в Москву Лейб Гвардии Сводным полком, вылитые в Тавризе семь медных годных орудий, приняты и помещены в здеишем Арсенале в удобном хорошем месте.

Имея честь донести о сем Вашему Сиятельству, пужным считаю доложить, что в числе орудий сих находится: шести фунтовая пушка, весом 4х пуд 33. фунтов, и Шесть четырех фунтовых единорогов, весом каждый по 5. пуд 1. фунту²³ – все Персидския; Лафет с передком и правилом один; збруи, бывшей довольно употреблении: хомут с нагрудником один, узда одна, седелка с чрез-седельником одна, шлея одна, постромок две и уносная шорка одна же»²⁴.

Вслед за этим князь Голицын пишет товарищу начальника Главного штаба генералу от кавалерии генерал-адъютанту графу А.И. Чернышovu: «По Воле Государя Императора, изъявленной в Высочайшем рескрипте, последовавшем на имя мое в 1 дек. октября сего года, Всемилостивейшее даровавшем городу Москве семь орудий, вылитых в Тавризе, должны быть поставлены на Царской площади. Но из них шесть доставлены без лафетов. Почему не угодно ли Вашему С-ву будет изпросить Высочайшее соизволение на каких лафетах устроить орудия сии, и кому предоставлено будет само самое то устроение. А я со своей стороны полагаю бы приличным сделать лафеты на манер персидских, и покрыть их употребляемою там краскою»²⁵.

В декабре из канцелярии военного министра был получен ответ: «Его Величество Высочайше повелеть соизволил: к шести орудиям вылитым в Тавризе и доставленным в Москву для постановления на Царской площади, поручить Артиллерийскому Департаменту сделать лафеты согласно мнению Вашего Сиятельства, на манер Персидский и покрыть оные употребляемою там краскою»²⁶.

20 декабря 1828 г. (1 января 1829) Московское Артиллерийское депо получило от Артиллерийского департамента Военного министерства следующее предписание: «Депортамент Артиллерийский... Сим уведомляют, что принятые в московской Арсенал семь медных

орудий Государь Император высочайше соизволил подарить Городу Москве, кои и должны быть поставлены для украшения города на Царской площади на лафетах. Воисполнении сей Высочайшей воли, Департамент предписывает Московскому Артиллерийскому депо, недостающие лафеты под шесть орудий, построить в Москве вольным подрядом – так чтоб оные устроены были по конструкции доставленного в Москву персидского лафета. Сделаны были бы из такого дерева, из какого приготовлен персидской, но ежели такого дерева в Москве не отыщется, то построить их из сухаго дубоваго леса, и за производством прочности работ, вележь одному из членов во время оной, надсматривать, а когда все лафеты будут в отделке дерева и оковок готовы, то до крашения их учинить общее свидетельство, и потом уже велеть окрасить, точно такую краскою какою окрашен персидский лафет. По совершенной отделке лафет для установления их с орудиями на назначенныя места донести Господину Московскому военному Генерал Губернатору. При чем департамент рекомендует Московскому артиллерийскому депо, чтоб приготовление лафет обошлось Казне самоумереннейшими ценами и отдана работа с публик и торгов и по последней цене заключить контракт, с содействием агента. Кошню с котораго представить в департамент»²⁷.

3 (15) августа 1829 г. Московское Артиллерийское депо отапортавало князю Голицыну: «...под состоящие в здешнем Арсенале персидския орудия, недостающие шесть лафет, во всем согласно Конструкции персидскаго лафета, заказаны были сделать иностранцу Ивану Богданову Рейману сроком от заключения Контракта (марта в 18й день) в 4. месяца. Которыя ныне им как следует сделаны и с надлежащею окраскою в арсенале приняты, о чем Вашему Сиятельству депо донести честь имсет, для надлежащаго распоряжения, нащет доставления оных лафетов с орудиями на назначенныя места, о последующем да неоставите депо своим повелением»²⁸.

7 (19) августа князь Голицын приказывает генералу Веревкину «распорядиться принятием оных лафет с орудиями и поставить все согласно Воле Государя Императора изъявленной в Высочайшем рескрипте последовавшем на имя мое в 1 день октября 1828 года на царской площади, и мне о последующем донести»²⁹.

Наконец, 23 августа (4 сентября) генерал Веревкин докладывает Голицыну: «Хранившися в здешнем Арсенале Семь Персидских Орудий, Московским Бау Адъютантом Инженер Подполковником

Семеновым 2м, по приказанию моему приняты и поставлены на Царской площади»³⁰.

Персидские орудия оставались в ведении Московского арсенала до 1851 г., когда последовало высочайшее повеление передать их в Оружейную палату. Согласно «Описи Оружейной палаты» 1886 г. в коллекции музея значатся: «Орудий семь, персидских, вылитых в Тавризе персидскими мастерами в 1827 году. ... Лафеты, каждый с двумя колесами, окрашены зеленою краскою»³¹. Видимо, уже на этом этапе многие сведения об истории создания этой коллекции стали неизвестны специалистам.

Более полувека коллекция как единое целое хранилась в Оружейной палате. 28 сентября³² 1906 г. два орудия из этой коллекции (очевидно, единорог и пушка) были переданы в Тифлис, в Кавказский Военно-исторический музей («Храм Славы»)³³. К сожалению, судьба этих орудий, как представляется, оказалась трагической.

В коллекции письменных источников Музея-панорамы «Бородинская битва» хранится машинописный экземпляр доклада руководителя отдела военной истории Артиллерийского исторического музея полковника Т. И. Воробьева «Гибель “Храма Славы”». В этом докладе, написанном в 1952 г., исследователь изложил собранные им сведения об утраченной коллекции музея. Недавно этот доклад был опубликован в одном из изданий Музея-панорамы «Бородинская битва»³⁴.

Коллекция Кавказского Военно-исторического музея в 1915 г. была эвакуирована в Ставрополь. Она была возвращена в Тбилиси в 1922 г. и размещена в одном из зданий государственных архивов Грузии. Однако восстановить музей как единое целое не удалось. Коллекция была раскассирована по различным музеям и иным организациям, частично уничтожена.

Согласно сведениям, собранным полковником Воробьевым, «примерно перед началом Великой Отечественной войны, а, возможно, и позднее, были отправлены на переплавку все старинные бронзовые и чугунные орудия, находившиеся как на экспозиции, так и во дворе здания музея, а также расставленные вокруг здания. Время их уничтожения автору точно установить не удалось»³⁵.

В то же время около десяти трофейных орудий в конце тридцатых годов было передано Дагестанскому государственному музею³⁶. Так что остается слабая надежда на то, что «тавризские» орудия в той или иной степени сохранности еще существуют в какой-либо

коллекции на Кавказе. Однако установить это точно в существующих обстоятельствах не представляется возможным.

Судьба оставшихся в Оружейной палате пяти орудий сложилась более благополучно. Они находились в запасах этого музея до сентября 1955 г., когда были переданы на временное хранение Государственному Бородинскому военно-историческому музею.

Четыре из этих орудий были размещены в экспозиции Бородинского музея-заповедника, а одно поступило в экспозицию филиала музея – «Кутузовскую избу» в Филях.

В 1962 г. к 150-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. был открыт Музей-панорама «Бородинская битва». «Кутузовская изба» со всей экспозицией в ней была передана в ведение нового музея.

Позднее орудия были переданы музеям на постоянное хранение³⁷.

В настоящее время орудие, входящее в коллекцию Музея-панорамы «Бородинская битва», находится в частично разобранном виде в фондохранилище музея. Ствол и лафет пребывают в хорошей сохранности. Передок орудия требует реставрации.

Орудия из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника также находятся в различной степени сохранности. Одно орудие без передка, а также лафет и передок находятся в экспозиции, остальные предметы в запасах музея.

Таким образом, опираясь на приведенные выше сведения, удалось атрибутировать орудия, так долго вызывавшие недоумение у специалистов. Перед нами коллекция персидских орудий, чьи стволы созданы на основе ствола российского полевого 3-фунтового единорога, а лафеты и передки базируются на английских разработках. Стволы были отлиты в 1827 г. персидским мастером Ага-Мохаммед-Али в Тавризе в качестве подарка российскому правительству в ходе переговоров о мире, завершивших Русско-иранскую войну 1826–1828 гг. Один из лафетов и передков изготовлен в Персии же, остальные в 1829 г. в Москве мастером Иваном Богдановичем Рейманом по имеющемуся персидскому образцу.

Коллекция эта имела внутриполитический резонанс, и информация об этих орудиях оказалась зафиксирована в большом количестве мемуарных и периодических источников. Судьба коллекции связана со значимыми событиями русской истории и именами

таких выдающихся исторических деятелей, как: И.Ф. Паскевич-Эриванский, Н.Н. Муравьев-Карсский, А.Ф. Багговут, Д.В. Голицын и др. Участие в ее создании принял и император Николай I.

В настоящее время эта коллекция рассредоточена в двух отечественных музеях: Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике и Музее-панораме «Бородинская битва». Два орудия из этой коллекции предположительно утрачены.

Хочется надеяться, что музей-владельцы не оставят без внимания эти ценные экспонаты, несмотря на то, что они не имеют никакого отношения к истории Отечественной войны 1812 г., и таким образом не связаны с основной темой музеев.

Каждое из входящих в коллекцию орудий (включая все элементы конструкции) является одновременно памятником русской воинской славы (как своеобразный победный трофей Русско-иранской войны 1826–1828 гг.), истории межгосударственных отношений (как подарок иностранного государства) и инженерной мысли (как уникальная артиллерийская система).

¹ Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1956 г. Д. 7. Л. 125–132.

² Сектор учета ГУК «Музей-панорама «Бородинская битва». Книга «Получение на постоянное хранение (1962–1976)». Л. 9, 1.

³ Подробнее см.: Игошин К.Г. Персидский дар // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы международной научной конференции. М., 2009. С. 33.

⁴ Маркевич А.И., Плотто В.К. Чертежи всем легким и батарейным орудиям, их лафетам, передкам, зарядному ящику с гнездами разных калибров и всей принадлежности оных орудий 1805 года. Изд. II. СПб., 1817.

⁵ Подробнее о параметрах ствола см.: Игошин К.Г. Указ. соч. С. 44.

⁶ См. «Инструкцию для приема артиллерийских орудий» // ПСЗРИ. Т. 30. Собр. 1. 1830 г. С. 202. № 22986.

⁷ Маркевич А.И., Плотто В.К. Указ. соч.

⁸ Местонахождение лафетов не позволяет в настоящее время произвести точные измерения. Измерения с помощью рулетки ввиду сложной формы лафета дают приблизительный результат.

⁹ Пидус А.А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904; Dawson A. L., Dawson P.L., Summerfield S. Napoleonic Artillery. The Crowood Press, Ramsbury, 2007; Wise T., Hook R. Artillery Equipments of the Napoleonic Wars. Osprey Publishing, London, 1979; Franklin C.E. British Napoleonic Field Artillery. Spellmount, Cirencester Road, Chalford Stroud. 2008; Henry C., Delf B. British Napoleonic Artillery 1793–1815 (1). Field Artillery. Osprey Publishing, Oxford. 2002.

- ¹⁰ Кибовский А.В., Егоров В.И. Персидская регулярная армия 1-й половины XIX века (часть 2) // Цейхгауз. № 6. М., 1997. С. 29.
- ¹¹ Персидская живопись и рисунок XV–XIX веков в собрании Эрмитажа. Каталог выставки / Автор-сост. А.Т. Адамова. СПб., 1996. С. 300–314. Ил. № 74, 75 и 77.
- ¹² Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией // Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. С. 295.
- ¹³ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1891. Кн. 3. № 10. С. 180.
- ¹⁴ Здесь и далее в скобках указаны даты по новому стилю.
- ¹⁵ Дневник доктора Уиллича / Зиновьев И.А. Россия и Персия // Русская старина. 1897. Т. 92. С. 78.
- ¹⁶ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Там же. № 9. С. 80.
- ¹⁷ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 739. Л. 68.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 688. Л. 207, 207об., 208; Скрутковский С.Э. Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб., 1896. С. 51.
- ¹⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 739. Л. 110б.
- ²⁰ Там же. Л. 13, 130б.
- ²¹ Скрутковский С.Э. Указ. соч. С. 51–52.
- ²² Подробнее см.: Игошин К. Г. Указ. соч. С. 39–41; Московские ведомости. 1828 г. 10 ноября. № 90. С. 3879.
- ²³ Обращает на себя внимание указанный вес орудий, который не соответствует действительному.
- ²⁴ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 739. Л. 20, 200б.
- ²⁵ Там же. Л. 30.
- ²⁶ Там же. Л. 57.
- ²⁷ Там же. Л. 65.
- ²⁸ Там же. Л. 64.
- ²⁹ Там же. Л. 66.
- ³⁰ Там же. Л. 67.
- ³¹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. М., 1886. С. 343. № 8414.
- ³² Стиль даты неизвестен.
- ³³ Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. (Архивный экземпляр с научными пометками директора Оружейной палаты Д.Д. Иванова, заметками о выдаче в другие музеи до 1950-х.) Л. 312.
- ³⁴ Воробьев Г.И. Храм Славы / Герасимова Г.И. «...Печальное состояние Кавказского Военно-исторического музея» // Вестник Музея-панорамы «Бородинская битва». Вып. III. М., 2006. С. 111.
- ³⁵ Там же. С. 127.
- ³⁶ Там же. С. 128.
- ³⁷ Музей-панорама «Бородинская битва» и Музеи Московского Кремля оформили передачу актом от 9 апреля 1975 г.